

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

п 798-62

МР
26328

№ 20-й.

1910 г.

27 мая.

Четвергъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГАЗЕТЪ "МОСКОВСКІЙ ЛІСТОКЪ"

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Изданія 52-й годъ.

— Отчего это, Маруша, твоя корова такъ жирная, а молоко, которое ты намъ posiшь, такое жидкое, словно разбавлено водой?!...
— А это потому, барыня, что у моей коровы водлянка...

— Барыня говоритъ, что у васъ очень дороги дрова для деревни...
— Скажи, милая, барынь, что лѣтомъ каждая маленькая деревня дѣлается большимъ городомъ!..

— Помилуй, Марья Ивановна, что за выраженія! Ты потеряла ко мнѣ, кажется, всякое уваженіе!
— Вотъ сказала! Я потеряла къ тебѣ уваженіе еще въ тотъ моментъ, когда ты женился на мнѣ безъ приданого. Глуухъ людей не уважаютъ.

ПРАЗДНИКЪ НА ДАЧѢ.

(Очеркъ).

Артемій Степановичъ Кронкинъ вышелъ раннимъ утромъ на террасу своей дачи, потянулся, вдохнулъ въ себя всю грудью свѣжій, прохладный воздухъ и широко, радостно улыбнулся.

— Хор-р-рошо!—проговорилъ онъ.

Изъ дверей террасы выглянула его супруга Александра Павловна, одѣтая еще по-домашнему, несмотря на то, что былъ большой годовой праздникъ.

— Что ты говоришь, Аратюна?—спросила она.

— Говорю, что очень хорошо... Посмотри, какое благоуханное утро, какой воздухъ, прислушайся, какъ дивно поютъ хоры пернатыхъ пѣвцовъ... Хор-р-рошо!..

Артемій Степановичъ всталъ въ позу, простеръ впередъ руку и продекламировалъ:

— „Какъ прекрасно все созданье,
„Какъ все весело вокругъ,
„Въ разноцвѣтномъ одѣяніи
„Улыбаются намъ лугъ!“

И кромѣ того, что „улыбаются намъ лугъ“, я еще доволенъ тѣмъ, что сегодня праздникъ... Праздникъ на дачѣ!.. Это, матушка, надо понять, оцѣнить... Праздникъ на дачѣ, моя милая, особенно привлекателенъ, такъ какъ я не ѣду на службу и могу весь день посвятить тихимъ семейнымъ радостямъ, прогулкамъ по окрестностямъ и сладкому отдыху...

Мефистофельскій смѣхъ жены заставилъ Артемія Степановича оглянуться.

— Чему ты смѣешься, Саша?—спросилъ онъ.

— Да смѣюсь тому, что ты почти до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а все еще глухой!..

— Какъ-съ?

— До сѣдыхъ волосъ, говорю, дожилъ, а все еще глухой!.. Нашелъ отдыхъ на дачѣ въ праздникъ!.. Ха-ха-ха!.. Не отдыхъ въ праздникъ на дачѣ, а мука мученическая, терзаніе... Нѣкоторое подобіе ада кромѣшного...

Артемій Степановичъ оглянулся на жену вторично и сталъ смотрѣть на нее съ нѣкоторою тревогою.

— То-есть какъ-же это?.. Въ какихъ смыслахъ?—спросилъ

онъ, видимо, педоумѣвая.

— А вотъ такъ-же, очень просто... Въ будни ты хотя пѣзднишь на службу, по все-же вечерокъ-то принадлежитъ тебѣ; пообѣдаешь ты, ну, и свободенъ, погулять можешь или на терраскѣ посидѣть за самоварчикомъ, книжку почитать... Свободна въ будни и я,—управилась по хозяйству, накормила васъ обѣдомъ и лежу себѣ на диванчикѣ, либо въ гамакѣ, а въ праздникъ...

Александра Павловна махнула рукою, и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Вотъ и день еще не начался, а я ужъ устала,—продолжала она.—Я ужъ въ лавку два раза съ кухаркою сбѣгала, съ зеленщикомъ цѣлый часъ торговалась, съ двумя деревенскими бабами возилась, покупая у одной молоко и яйца, а у другой грибы, въ погребѣ разъ ужъ десять сбѣгала... Что ты на меня глаза-то выпучила?.. Не понимаешь, что-ли?..

— Не вполне понимаю, матушка,—отозвался супругъ.—Ты, вѣроятно, хочешь сказать, что въ праздничный день долженъ быть столь получше, такъ вѣдь это ужъ обычное явленіе, ну, а кромѣ того, кто-же тебя неволитъ особую стряпню заводить?.. Ради лѣтняго отдыха, ради природы можно и въ праздникъ покупать скромненько...

— Да ты что, батюшка, очумѣлъ, что-ли, отъ природы-то отъ этой?

— То-есть какъ?

— Да гостей-то ты забылъ?.. Забылъ ты, что каждый праздникъ на дачу непременно всякіе голодные идолы изъ города набѣдутъ позвать на даровщинку, воздухомъ подышать, въ карты поиграть да еще выиграть у хозяевъ—забылъ ты все это?.. Забылъ ты, какъ въ прошломъ году въ Вознесеневъ день къ намъ двѣнадцать человекъ набѣхло, и вся эта орава фла и шила съ утра до ночи и на-силу, на-силу посѣла на послѣдній побѣдъ, причемъ Зайчиковы съ ребятами опоздали и почевали у насъ,—забылъ ты это?..

Артемій Степановичъ опустился на ступеньки террасы и глубоко вздохнулъ. Воздухъ пересталъ казаться ему прозрачнымъ и чистымъ, деревья и травы какъ будто-бы уже не благоухали болѣе, а въ пѣніи птичекъ онъ ничего не находилъ пріятнаго.

— Да, вспомнилъ,—съ глубокою тоскою проговорилъ онъ.

— Так ты говоришь, Вавилов отказался платить по счету. Это еще почему? Ты ему сказал, что у меня неотложные платежи?
— Да онъ говоритъ, что вы, Панкратъ Ильичъ, какъ ему достовѣрно извѣстно, скоро намѣрены обанкрутиться, а, стало быть, и платежъ никакихъ дѣлать не будете.

— То-то-же!—усмѣхнулся супруга.—Я вонъ слышу приближеніе поѣзда и увѣрена, что съ этимъ-же первымъ поѣздомъ непременно кто-нибудь пріѣдетъ, а тамъ и пойдутъ, и пойдутъ... Нѣтъ, батюшка, въ праздникъ на дачѣ не отдыхъ, а мука мученическая, терзаніе великое... Тебѣ-то еще ничего,—ты пьешь, да ѣшь, да съ гостями тараторишь, только вотъ развѣ денегъ тебѣ жалко, а вѣдь я съ раняго утра до глубокой ночи какъ въ котлѣ киплю, вѣдь я въ праздникъ-то три раза бѣлье мѣняю, а потомъ цѣлую недѣлю ногъ подъ собою не слышу...

Изъ Москвы между тѣмъ приближался, гремя и выхтя, дачный поѣздъ. Видно было, какъ онъ промелькнулъ неподалеку отъ дачи Крошкниныхъ и затѣмъ остановился у платформы, выкинувъ на нее изъ вагоновъ десятка три пассажировъ, свистнуть и полетѣлъ дальше.

— Вотъ и первый дачный поѣздъ!—проговорила мадамъ Крошкнива, глубоко вздыхая.—Непремѣнно ужъ кто-нибудь пріѣхалъ, головою своею ручаюсь за это...

Словно въ отвѣтъ на эти слова мадамъ Крошкниной со стороны рошцы, которая отдѣляла дачу Крошкниныхъ отъ платформы, раздались звонкіе дѣтскіе голоса, раздались голоса мужскіе и женскіе, сопровождаемые громкимъ лаемъ дачныхъ собакъ.

— Зайчиковыхъ съ дѣтми чортъ несетъ!—проговорила госпожа Крошкнива и вырнула въ пѣдра дачи доканчивать свой туалетъ.

— Долгомъ своимъ пріятнымъ почли навѣститъ васъ въ праздникъ въ вашемъ уединеніи!—раздался радостный голосъ, и въ калиточку сада ввалился плотный господинъ въ чесунчовомъ костюмѣ, сопровождаемый такою-же плотною дамою и шестью младенцами отъ десяти-лѣтняго возраста до возраста грудного.—представителя послѣдняго неслъ на рукахъ нянька.

— Ахъ, милѣйшій Аркадій Антоновичъ, мое почтеніе!—радостно привѣтствовала гостей Крошкнивъ. — Осчастливили, обрадовали несказанно!

— Долгомъ своимъ сочли, милѣйшій, долгомъ!—отвѣтствовала на это гость и облобызался съ хозяиномъ.—Съ нами Почниковы пріѣхали...

— То же со всѣми дѣточками?—освѣдомился хозяинъ, стараясь сдѣлать радостную и счастливую улыбку на лицѣ, но которому такъ и бѣгали судороги.

— Да ужъ натурально съ дѣточками... Дѣточкамъ вѣдь тоже надо погулять, свѣжимъ воздухомъ подышать, а у васъ тутъ чудесно...

— Вотъ-бы вамъ тутъ дачку нанять,—замѣтилъ Крошкнивъ, думая что-то нехорошее и злое.—А у насъ какъ-разъ неподалеку дачка отдается, и хорошецкая, и недорогая...

— Нѣтъ, голубчикъ, мы противъ дачной жизни,—возразилъ Зайчиковъ.—Надобааетъ одно и то-же мѣсто, а мы съ женою любимъ разнообразіе...

„Не разнообразіе вы любите, а любите вы изъ людей кровь пить!“—подумалъ Артемій Степановичъ и, поцѣловавъ ручку госпожи Зайчиковой, принялся цѣловать дѣточекъ, которыя для пріятія его поцѣлуевъ были пенькою и мамашею приводимы въ порядокъ.

— Почниковы вслѣдъ за нами идутъ,—сообщилъ Зайчиковъ. — У нихъ тамъ какое-то недоразумѣніе съ костюмами вышло, такъ они въ рошѣ поправляются, но сейчасъ будутъ...

— А что-же ты не сообщишь милому Артемию Степановичу, что Парамонъ Платоновичъ Лобовъ хотѣлъ со слѣдующимъ поѣздомъ пріѣхать?—обратилась мадамъ Зайчикова къ мужу.

— Да, да, и Лобовъ пріѣдетъ!.. Хотѣли еще Казинетовы быть, но, кажется, ихъ что-то задержало, а впрочемъ, быть-можетъ, они какъ-нибудь отдѣлаются и пріѣдутъ съ трехъ часовымъ...

— Вотъ-бы обрадовали-то!—свѣтло улыбнулся Крошкнивъ и повелъ гостей въ комнаты, крикнувъ по дорогѣ прислугѣ, чтобы подавали самоваръ на террасу.

Милѣйшій Лобовъ пріѣхалъ со слѣдующимъ поѣздомъ, а Казинетовы какъ-то устранили помѣху и осчастливили хозяевъ, пріѣхавъ къ нимъ съ трехъ-часовымъ поѣздомъ.

Такъ были обрадованы Крошкнивы въ праздничный день.

А. Пазухинъ.

Записки сумасшедшаго.

Не-то май, не-то сентябрь, ничто среднее между декабремъ и июлемъ.

** Вчера разсуждали о томъ, можно-ли предсказать будущее новорожденного младенца.

Завязался споръ. Всѣ говорили, что предсказать будущее нельзя.

Одинъ только нашъ философъ стоялъ за то, что можно каждому новорожденному безошибочно опредѣлить будущее.

— Ну, вотъ, напримѣръ, я только-что родился, — заявилъ одинъ сумасшедшій, — ну, предскажите, что меня ждетъ навѣрное?

— Смерть, — отвѣтилъ спокойно философъ.

Да! Значитъ, предсказанія возможны.

** Вчера обращались къ председателю Государственной Думы съ телеграфнымъ запросомъ: можно-ли намъ приобрести тотъ стаканъ, которымъ запустилъ г. депутатъ Пуришкевичъ въ г. депутата Милюкова, и тотъ графинъ, которымъ онъ обѣщалъ запустить?

А. И. Гучковъ запросилъ въ свою очередь насъ:

— Для какой надобности мы желаемъ приобрести эти вещи?

Мы отвѣчали:

— Чтобы положить начало „Музею вѣскихъ доказательствъ“, употребляемыхъ гг. депутатами Государственной Думы.

Обѣщавъ выслать и стаканъ, и графинъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

** Подслушали разговоръ двухъ мальчишекъ:

— Вчера мнѣ папа говоритъ: „Если я тебѣ дамъ рубль, изъ

! — Если мнѣ сегодня не заплатятъ жалованья, я не буду играть и выйдетъ скандалъ.
— Если вы будете играть, то скандалъ выйдетъ еще больше: его устроитъ публика...

** Теперь идутъ повсюду экзамены. Вотъ какой былъ случай на экзаменѣ грамматики.

Экзаменаторъ говоритъ ученику:

— „Мой отецъ открылъ магазинъ“. Опредѣлите, какая это форма: дѣйствительная или страдательная?

— Дѣйствительная, г. учитель.

— Хорошо... А какъ будетъ страдательная?

Ученикъ подумалъ и отвѣтилъ:

— „Мой отецъ вывернулъ кафтанъ“.

** Одинъ извѣстный авіаторъ увѣряетъ, что если хотятъ придать воздушность танцовщицѣ, ей слѣдуетъ дѣлать костюмъ изъ матеріи, употребляемой для воздушныхъ шаровъ.

По-нашему, надо попробовать и это средство.

котораго позволю тебѣ истратить шестьдесятъ четыре копѣйки, то сколько ты мнѣ принесешь сдачи?

— Ну?

— Я показалъ ему фигу. „Буду, — говорю, — тебѣ я приносить еще сдачу, и такъ ничего не даешь на гостинцы“.

— Ну, что-же отецъ далъ тебѣ рубль?

— Нѣтъ, онъ мнѣ далъ только подзатыльникъ.

— А сдачи не спрашивалъ?

— Нѣтъ: это онъ мнѣ цѣлкомъ далъ.

** На-дняхъ одному видному депутату изъ правыхъ задали вопросъ:

— Кто былъ первый человекъ?

— А я почему знаю...

— Каждый ребенокъ знаетъ, что это былъ Адамъ.

— И не слѣдуетъ этого знать ребенку... Это прославленіе іудейства. Адамъ—еврей, и намъ нѣтъ надобности прославлять инородцевъ, какъ первыхъ людей.

Удивительно убѣжденный этотъ депутатъ.

** Ну, что дача?—спрашиваемъ знакомаго.

— Ничего, даже съ сюрпризомъ.

— Да ну? Съ какимъ?

— Во время дождя—души и прямо надъ кроватью...

Поприщинъ № 2-й.

— То-есть какъ протестуешь противъ покупки?—еще болѣе удивилась Вѣра Львовна.—Да что-же украсть ты, что-ли, хочешь колясочку?

— Не украсть, а сдѣлать дома, сдѣлать домашнимъ способомъ... Тутъ играетъ роль не экономія, которая тоже чего-нибудь стоитъ, а играетъ роль желаніе сдѣлать полезную вещь своими руками, потрудиться надъ нею...

— Да развѣ ты умѣешь?—спросила жена.—Что-то я не слышала, чтобы ты былъ такимъ мастеромъ...

— Я, матушка, на все руки, я практикъ... Кто въ кабинетѣ на

— Что это вы сдѣлали такое каменное лицо, Зинаида Дмитриевна?

— Чтобы оно гармонировало съ вашими деревянными комплиментами...

Колясочка.

(Картичка).

— Надо-бы нашему Мусику колясочку купить,—сказала Вѣра Львовна Циферблатова, качая на рукахъ и лаская своего годовалаго сына Мусика.

— Зачѣмъ?—спросилъ мужъ ея Герасимъ Андреевичъ Циферблатовъ.

— Какъ зачѣмъ?—удивилась Вѣра Львовна.—За тѣмъ, чтобы катать его... Переѣхали на дачу, такъ вотъ и будетъ няня катать его по дорожкамъ, по аллеямъ...

— Я, моя милая, не отрицаю пользы и нужды колясочки, но я протестую только противъ покупки ея...

городской квартирѣ полки для книгъ сдѣлалъ?

— Это которыя оборвались и чуть горничную не убили?

— Ну, да, онѣ, положимъ, оборвались, но все-же онѣ сдѣланы мною... Я, матушка, все умѣю... Конечно, можно и купить колясочку, но она будетъ сдѣлана по инициативѣ и вкусу некультурнаго, тупого мастера и не удовлетворитъ сколько-нибудь изысканному вкусу, а вотъ если колясочку для ребенка сдѣлаетъ самъ отецъ, такъ это будетъ колясочка... Сегодня у меня день свободный, и я сдѣлаю колясочку Мусику... Мусикъ, хочешь, чтобы папа колясочку тебѣ сдѣлалъ?

Мусикъ съ негодованіемъ отвернулся отъ папы, такъ какъ папа воспитывалъ его по „Фребелю“ и успѣлъ уже до смерти надоѣсть ребенку.

— Ты, кажется, даже рад, что тебя посадили в карцер?!
— Еще бы не рад, — тут, по крайней мере, прохладно. А то в такую жару да в общей камере — прямо смерть..

— Хочешь, Мусень? Ну, хорошо, хорошо, едлаю...
— Да изъ чего-же ты едлаешь? — спросила жена. — Миѣ кажется, что если ты будешь покунать для колясочки разные материалы, такъ она обойдется дороже, чѣмъ купленная...
— Гроша не будетъ стоить, такъ какъ я ее едлаю домашнимъ способомъ и изъ матеріала, ничего не стоящаго... У насъ есть лишняя бѣлевая корзина?
— Лишней нѣтъ, но, если хочешь, возьми вотъ тамъ въ кухнѣ... Это ты кузовъ коляски хочешь едлатъ изъ корзины?
— Да...
— Ну, а колеса-то изъ чего едлаешь?
— А колеса я вышло изъ прочнаго круглаго бревнышка, самъ вытешу оси изъ прочнаго березоваго дерева, приедлаю ручку съ кость тылькомъ, а внутренность коляски ты уже сама обобьешь какой-нибудь матеріей на ватѣ...
— Стыдно будетъ въ такой колясочкѣ Мусика по саду катать, — покачала головою Вѣра Львовна. — Каждый смѣяться будетъ и осудить... Вотъ, скажутъ, люди зажиточные, а не могутъ единственному ребенку приличную колясочку кушить...
— Я, матушка, выше такихъ предрасудковъ и на толпу не обращаю никакого вниманія! — высокомерно объявилъ господишъ Циферблатовъ и сейчасъ-же отправился дѣлать колясочку, предварительно направившись въ сосѣдній лѣсокъ, чтобы вырубить тамъ небольшія деревца для осей и рукоятки.
„Пошелъ по лѣсу стукъ и громъ, и слышно за верету проказу“!..
Вѣра Львовна сидѣла на террасѣ, уложивъ своего Мусика спать, прислушивалась къ раздававшемуся изъ лѣса стукъ и качала головою. Она была замужемъ года два и въ эти два года много терѣла отъ предпримчивости мужа, который совершенно незаконно считалъ себя плотникомъ, столяромъ, слесаремъ и даже механикомъ. Онъ однажды вздумалъ „реставрировать“ буфетъ и испортилъ довольно дорогой буфетъ, такъ что его пришлось употребить на дрова; онъ самъ устранивалъ въ квартирѣ какіе-то усовершенствованные электрическіе звонки и чуть не едлалъ пожара, а домохозяйниъ вызывалъ его за порчу стѣн къ мировому судѣ; онъ самъ вставлялъ

злмнія рамы въ квартирѣ, говоря, что „глуно тратиться на стекльщиковъ“, и наколотилъ стекль на двѣнадцать рублей.

Теперь вотъ онъ взялся устроить колясочку сыну, и Вѣра Львовна знала, что отъ этой затѣи толку никакого не будетъ. Еще хорошо, если Герасимъ Андреевичъ испортитъ бѣлевую корзину и сломасть нѣсколько инструментовъ, а вотъ скверно, если колясочка будетъ такова, что при первомъ-же путешествіи въ ней Мусика развалится и бѣдный Мусикъ разобьется...

Сидѣла Вѣра Львовна на террасѣ, прислушивалась къ стукъ топора, тихонько вздыхала и, наконецъ, задремала, убаюканная ласковымъ вѣтеркомъ.

— Барыня! — разбудилъ ее тревожный крикъ горничной. — Барыня, нашего барина изъ лѣсу ведутъ!..

Вѣра Львовна проснулась и вздрогнула.

— Какъ ведутъ? — спросила она. — Откуда ведутъ?.. Куда ведутъ?..

— Изъ лѣсу домой мужики ведутъ... Баринъ въ чужомъ лѣсу семь березъ срубилъ, и мужики ихъ поймали, ну, и ведутъ... Мужики хотѣли ихъ въ станъ вести, но баринъ сказали, что они за березы заплатятъ и мужиковъ угостятъ, ну, мужики и согласились, а только, чтобы баринъ не убѣжалъ и не обманулъ ихъ, такъ они его связали, такъ связаннаго и ведутъ.

Это былъ радостный день для Вѣры Львовны, — супругъ ея, заплативъ двадцать пять рублей мужикамъ за порубку, навсегда отказался отъ своихъ затѣй и далъ слово въ нужныхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи специалистовъ.

Комарь.

Въ увеселительномъ саду.

— Чаякъ! Скажи, пожалуйста, кто изъ пѣвицъ у васъ больше всѣхъ получаетъ?

— А вотъ эта-съ брюнетка, что за столомъ съ тремя господами сидитъ, этакая изъ себя, какъ изволите видѣть, полновоздушная... Замѣчательная-съ пѣвица! Она каждый вечеръ не меньше 12 человекъ посѣтелей въ буфетъ сводитъ, ну, за это больше всѣхъ и получаетъ.

!!!

— Ты, Вася, былъ на открытіи скачекъ?
— Глухой вопросъ! Видишь, что я безъ пальто, — значитъ, былъ..

Милліонъ терзаній.

(Сценка).

Иванъ Петровичъ Бередикинъ пришелъ со службы. Несмотря на то, что онъ проголодался, онъ все-таки былъ въ духѣ и, поцѣловавъ супругу, погладивъ по головкамъ двухъ сорванцовъ — классика и реалиста, спросилъ, потирая руки:

- А обѣдъ готовъ?
 — Нѣтъ еще... Опоздали...
 — Да вѣдь уже шесть часовъ.
 — Ахъ, у насъ завтра большая стирка!.. Бѣгали за поденщицами, вотъ и запоздали...
 — Да чего-же бѣгать-то?.. Марья-то кривая гдѣ-же?
 — Марья кривая въ больницѣ...
 — Такъ вѣдь Дарья шестипалая есть...
 — А Дарья твоя шестипалая въ деревню уѣхала... Да не пойму я, чего ты-то суешься!.. Безъ твоихъ совѣтовъ при большой стиркѣ до сихъ поръ обходились, обойдемся и теперь.
 — А газеты купили?
 — Да кому-же было за ними бѣгать?.. Кухарка за мыломъ бѣгала, потомъ за содою, потомъ за синькою...
 — А сразу-то все купить пельзи было?..
 — Отстань ты, пожалуйста!.. Тутъ большая стирка, а онъ съ придирками...
 — Няня могла-бы газеты купить.
 — Няня бѣлье собирала, считала, записывала...
 — Ну, горничную-бы послала...
 — Горничная по Москвѣ за прачками металась... Да уйди ты Христа ради въ кабинетъ!.. Большая стирка, съ ногъ сбился, а онъ съ своими глупыми газетами...

— Какой шикарный туалетъ на этой блондинкѣ, которая сейчасъ проѣхала мимо насъ. Наверное, ея мужъ очень богатый человекъ.
 — Нѣтъ, онъ простой артельщикъ, но онъ два раза сулился за растрату...

— Васька, много настрѣзлялъ сегодня?
 — Нѣтъ, не пофартило. Разлетѣлся было къ одному барину, заплакалъ: „мать вдова, семеро сиротъ малъ-мала меньше“, а онъ живцомъ съ нашего двора оказался. Сгрѣбъ да къ отцу и приволокъ... Окромѣ таски ничего не получилъ.

Черезъ полчаса Бередикина зовутъ обѣдать.
 — Ну, что-же это! Зовутъ обѣдать, а столъ не накрытъ.
 — Да его и не будутъ накрывать... Большая стирка: и скатерти, и салфетки въ бѣлевую корзинку свалены.
 — Чѣмъ-же губы-то вытирать?..
 — Носовымъ платкомъ... Кстати: у тебя много платковъ?.. Всегда по вѣсѣмъ карманамъ разсованы... Настя, подите, выньте у барина изъ вѣсѣхъ кармановъ платки...
 — Какъ изъ вѣсѣхъ кармановъ?.. Не могу-же я одинъ платокъ изъ кармана въ карманъ перекладывать...
 — Мало-ли что не можешь!.. Въ домѣ большая стирка, а у насъ дюжина грязныхъ платковъ по карманамъ...
 Бередикинъ подчинился.
 Онъ сѣлъ за столъ, накрытый клеенкой, и, кое-какъ пообедавъ, ушелъ и легъ на кровать.
 Только-что заснулъ онъ самымъ сладкимъ сномъ, даже Анну второй степени увидалъ во снѣ, какъ его кто-то тронулъ за плечо.
 Бередикинъ открылъ глаза и спросилъ:
 — Что ты, няня?
 — Встаньте, пожалуйста!..
 — Случилось что?
 — Ничего не случилось, а большая стирка завтра. Нужно простыни и наволочки снять.
 — Развѣ не успеете?..
 — Вѣстимо, не успеѣмъ... Большая, чай стирка-то завтра...
 Онъ всталъ, уже разсерженный, и перешелъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ со всей мебели сняты были чехлы, и изъ старыхъ кресель и въ особенности изъ дивана торчало мочало.
 — Хоть-бы простыней диванъ прикрыли.
 — А гдѣ простынь взять?— сказала горничная.— Завтра большая стирка...
 — Что-же, я безъ простыни спать-то буду?
 — Два дня какъ-нибудь поспите... Одѣло подстелить, халатомъ прикротесь... Пельзи иначе: большая стирка.
 — О, чтобъ ее чертъ взялъ, эту большую стирку!
 Бередикинъ озлобленный ушелъ изъ дома.

Часа гостя побродилъ онъ по улицамъ, зашелъ къ Филипову, почиталъ газеты, выпилъ чаю и направился домой.

Въ домѣ дымъ коромысломъ. Узлы съ бѣльемъ лежатъ повсюду. Изъ кухни несется какой-то дикій ревъ.

— Что это у насъ въ кухнѣ за крики?

— Прачкины дѣти передрались...

— Прачкины дѣти?.. Да зачѣмъ они здѣсь?

— А гдѣ-жъ она ихъ оставитъ,—она вдова, живетъ въ углу...

Ну, и привела сюда...

— О, Господи, да много-ли ихъ?

— Да всего пятеро...

— А! Скажите, пожалуйста! Всего пятеро. ! они у насъ ночевать будутъ?

— Ну, конечно, всѣ три ночи, пока большая стирка не кончится...

— Они вѣдь спать не дадутъ...

— Потерпимъ... Когда большая стирка, всюду такъ... Не мы первые, не мы послѣдніе...

Бередихинъ махнулъ рукою.

— Я пойду въ кабинетъ и не выйду. Принесли мнѣ туда стаканъ чаю, чего-нибудь закусить и рюмку водки не забудь.

— Водки нѣтъ, не посылали...

— Да вѣдь отъ обѣда полграфина осталось...

— А эту завтра утромъ прачкѣ надо...

— Какъ прачкѣ, зачѣмъ?

— Да ты забылъ, что у насъ большая стирка и прачкамъ всегда водка полагается...

Бередихинъ схватился за голову.

Маіоръ Бревновъ.

Московскій трамвай или отчего иногда зависятъ удобства и жизнь москвича.

(Нѣчто невѣроятное. Трррагически - ддррамматическіе наброски въ одномъ дѣйствіи).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Нѣкто въ черномъ—трамвайный Юпитеръ.

Докладчикъ—вродѣ трамвайнаго адъютанта.

Сцена представляетъ кабинетъ трамвайнаго Юпитера. Кабинетъ со сводами, мрачный, напоминающій подземелья время испанской инквизиціи. На стѣнахъ симметрично развѣшано нѣсколько сотенъ костей московскихъ обывателей, раздавленныхъ трамваемъ, орудія трамвайныхъ казней и пытокъ: колеса, незвонящіе звонки, кусочки рельсъ, неисправныя сѣтки, оборвавшіяся проволоки, неисправные тормоза, фотографическіе снимки трамвайныхъ катастрофъ и, наконецъ, портреты выдающихся вагоновожатыхъ, задавленныхъ не менѣе 50 человекъ каждый.

При поднятіи занавѣса Нѣкто въ черномъ сидитъ за письменнымъ столомъ, углубившись въ планъ Москвы. Около стола въ почтительно-собственной позѣ докладчикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Нѣкто въ черномъ (оторвавшись отъ плана). Какіе доклады сегодня?

Докладчикъ. Изволили приказать напомнить отдать распоряженіе, чтобы съ завтрашняго дня безъ объявленія публикѣ перепутать всѣ линіи трамвая, на примѣръ № 1 пустить вмѣсто № 3, № 3 вмѣсто № 1 и т. д. Желали посмотреть, что изъ этого выйдетъ. (Хихикаетъ тихонько съ руку).

Нѣкто въ черномъ. Ахъ, да, да, да! (Улыбается). Презанятная, воображаю, выйдетъ исторія. Ха-ха-ха! Коллекціи мои (киваетъ на стѣны) несомнѣнно пополнятся. Ха-ха-ха! (Начинаетъ хохотать олушительнымъ басомъ; докладчикъ хохочетъ молчаливымъ теноркомъ. Кости на стѣнахъ начинаютъ шевелиться, а портреты вагоновожатыхъ съ тактъ хохота стучать зубами). Ф-фу-ты! Усталъ! (Потягивается). Ахъ да, чуть не забылъ направленіе № 14 уже перепутали?

Докладчикъ. Такъ точно-съ! Давно-съ! Только позвольте доложить, ужъ очень публика обозлилась.

Нѣкто въ черномъ. Мнѣ наплевать на вашу публику. Не трамвай существуетъ для публики, а публика для того, чтобы было съ кого брать деньги за трамвайные билеты... Дальше!

Докладчикъ. Публика говоритъ-съ: „№ 14 для того и пущенъ былъ, чтобы связать большой лѣфортовскій военный районъ съ центральными военными управлениями—окружнымъ штабомъ, окружнымъ военно-книжнымъ магазиномъ, военно-медицинскимъ управленіемъ, даже,—говорятъ,—мечтали о томъ, чтобы № 14 съ Пречистенскаго бульвара на Остоженку поворачивалъ да до Хамов-

— Не хотите-ли, моя прелесть, прокатиться на автомобилѣ?
— Съ удовольствіемъ, только на самомъ быстромъ, чтобы я могла скрыться отъ васъ какъ можно скорѣе..

ническаго плаца доходилъ, а оттуда назадъ. Тогда-бы намъ совсѣмъ удобно было, потому надобность въ такомъ сообщеніи громаднѣе, и вдрутъ пожалуйте—на Смоленскій рынокъ“!

Нѣкто въ черномъ. Я такъ хочу! (Стучитъ кулаками по столу). Мало-ли что имъ нужно по Пречистенскому бульвару на Остоженку! А я хочу, чтобы они ѣздили на Смоленскій рынокъ, и будутъ ѣздить всѣ въ Москвѣ не туда, куда имъ нужно, а куда я хочу!

Докладчикъ. Выповать, позволъ...

Нѣкто въ черномъ. Мол-д-чать! Или подѣ т-трамвай! Портреты выдающихся вагоновожатыхъ вытѣзаютъ изъ своихъ рамъ, стуча зубами и горочая выкатившимися глазами.

Докладчикъ падаетъ безъ чувствъ.

(Занавѣсъ).

Колокольчикъ.

Издателе Т-ва Н. И. Пастухова.
Редакторъ В. И. Ивановъ.

ЗУБНЫЯ КАПЛИ
Провизора А. СТЕПАНОВА.
МОМЕНТАЛЬНО УСПОКАИВАЮТЪ ЗУБНУЮ БОЛЬ.
Продажа всездѣ. Цена $\frac{1}{2}$ фл. 30 к. 1 фл. 50 к.
Обращать вниманіе на стеклянную надписъ на флаконѣ „Зубныя капли провизора А. Степанова“ и собственноручную подписъ на этикетѣ коробки. Гл. ека. Москва, Тихвинская, апт. магаз. А. Степанова.

7178,1,0

Ресторанъ „ЯРЪ“.

ЕЖЕДНЕВНО

НЕБЫВАЛАЯ ГРАНДИОЗНАЯ ПРОГРАММА

25 НОМЕРОВЪ.

Начало въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера.